

*Ане Одуваловой, вдохновившей меня выйти за рамки.
Маше Рудневой, подарившей сестрам издание,
которого они заслуживают.
Читателям, полюбившим Ким, Кайлу
и Кортни и позволившим мне рассказать их историю*

Предисловие от автора

днажды мне предложили написать книгу-эксперимент. Отойти от привычных шаблонов, создать что-то темное, атмосферное, провокационное. Написать не только о любви, но и о чем-то большем. Так появились сестры Кордеро.

Многие читатели знают меня, Ольгу Пашнину, как автора юмористического фэнтези. Или цикла «Школа темных» — young adult истории об ученице магической школы. И до сих пор я не писала ничего, подобного «Темным сестрам».

В этой книге вы найдете три истории, каждая расскажет об одной из сестер. Два романа уже издавались, а повесть о третьей сестре написана специально для этого издания и публикуется впервые. У всех героинь цикла есть секреты, от невинных и безобидных до ледящих душу. У всех них есть прошлое, а вот будущее подернуто туманом.

Я предлагаю вам погрузиться в историю рассудительной и волевой Кортни, приправленную острой страстью. Пройти путь легкомысленной, но ранимой и любящей Кайлы. Вместе с Ким найти силы справиться не только с внешним злом, но и с внутренними демонами.

Это истории не только о магии и любви, да и не столько о них. В первую очередь они о том, как важно детям быть

❖ О Л Ъ Г А П А Ш Н И Н А ❖

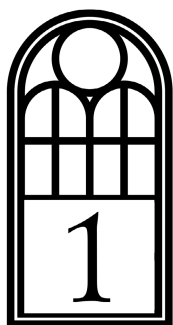
любимыми, а родителям их любить. О том, как насилие рождает насилие и к каким последствиям оно порой приводит.

Вам предстоит отправиться в застывший вне времени приморский городок Хейзенвилль, окунуться в темное прошлое семьи Кордеро и решить, кто же в этой истории истинный монстр: тот, кто переходит грани морали ради любви, тот, кто не сражается с чудовищами разума, или тот, кто творит великие дела, но совсем не способен любить.

И мне хочется верить, вы найдете ответ.

Мне не верилось, что в гробу лежала мачеха. На ее похоронах мало кто плакал, но особой радости смерть Кристалл Кордеро тоже не вызвала. Она была не самой плохой мачехой, не самой глупой женщиной, не самым бесчестным партнером. Она могла не вызывать симпатию, но неизменно вызывала уважение. Может, поэтому ее похороны напоминали скорее торжественную вечеринку. Вуаль скрывала мое лицо, в особенности глаза, так что я могла беззастенчиво рассматривать собравшихся.

Как давно я не видела их...

Кайла, моя старшая сестра. Двадцать семь, выглядит моложе. Преподает теорию заклятий в Хейзенвилльском Колледже Магических Наук. Как и все женщины Кордеро, худая, высокая, с волосами оттенка темного шоколада. С виду может показаться, что она до ужаса расстроена: аккуратный носик покраснел, в руке зажат белоснежный платок, шляпка накренилась набок, волосы выбились из строгого пучка, а на лице ни грамма косметики. Но Кайла — актриса, каких поискать. Смерть Кристалл для нее повод выйти в люди, а на создание небрежного образа горящей падчерицы она наверняка потратила не один час.

Я едва сдержала улыбку. Многие здесь узнали во мне прошлую нескладную Кортни, которая пять лет назад уехала

учиться так далеко, как только смогла. В каждую минуту этой бесконечной церемонии я чувствовала на себе десятки взглядов. Улыбка только убедит собравшихся в том, о чем судачили годами: я — неблагодарная дочь, безответственная сестра и просто ужасная падчерица.

— Попрощаемся с Кристалл, — произнес маг-погребельщик. — С ласковой матерью. Любимой женой. Верным другом.

Нам — сестрам Кордеро — предстояло первыми бросить по горсти земли на крышку гроба мачехи. Кайла справилась с этим лучше всех. И грациозно, и в то же время скорбно. С гулким звуком комы упали на белоснежную крышку.

Настал и мой черед.

Я вышла из первого ряда. Внимание стало острее, теперь уже практически все присутствующие пялились на меня в упор. Ожидали, верно, что я начну рыдать и просить прощения. А может, просто рассматривали, пытаюсь понять, изменил ли меня Даркфелл.

Земля на ощупь была влажной и холодной. «Прощай, Кристалл», — сказала я про себя. Извиняться мне было не за что. И на гроб смотреть смысла тоже не было. Что было, то прошло, и даже сильные маги смертны. Это первое, чему научил нас отец.

К гробу подошла Ким. Вообще, она Кимберли, но с длинными именами у нас в семье проблема. Как и с разнообразием: папа даже женился на ведьме, чье имя начинается на букву «К». Эта же буква красовалась на воротах нашего особняка.

Ким — красотка, но красотка особая. Она словно и не наша родственница: светловолосая, озорная, дружелюбная. Любимая младшая сестренка с огромными глазищами и яркими полными губами — вот такой я ее всегда помнила. Ким ничуть не изменилась. Сейчас в ее глазах читалась грусть. Наверное, именно она была ближе всех к Кристалл.

Остальные по очереди подходили к гробу. Я отошла, чтобы никому не мешать, и столкнулась с Кайлой.

— Кортни, — с лица сестры мгновенно сошла скорбь, — мы не думали, что ты приедешь.

— Она и моя мачеха, Кайла.

— Не заметно, чтобы ты вспоминала об этом хоть раз за последние пять лет.

— Кайла, прекрати! — одернула ее подошедшая Ким. — Кортни, я так рада, что ты вернулась!

Мы обнялись, и Кайла скорчила рожу. Вот ей бы точно не помешала вуаль, но где видано, чтобы эта леди Кордеро скрывала свою неземную красоту?

— Ты ведь останешься? — Ким подняла голову, и глаза ее горели. — Ты приехала надолго?

— Прости, Кимми, — улыбнулась я, — но завтра утром у меня заказан экипаж до Даркфелла. Я не останусь.

Ким заметно сникла, но пыталась улыбаться. Бедняжка, ее можно понять, она остается наедине с Кайлой. Ким еще не окончила школу, остался целый год. Но я точно знала, что Ким, как и я, всегда мечтала уехать из Кордеро-холл. В детстве мы часто об этом говорили.

За размышлениями я не заметила, как церемония проводов Кристалл в последний путь завершилась. К нам подходили люди: ее друзья, знакомые отца, целители, студенты Кайлы. Этот поток не кончался, мы принимали соболезнования с легкими грустными улыбками. Я действительно чувствовала сожаление, но все же мечтала, чтобы все поскорее закончилось.

Часть меня наивно верила, что получится избежать встречи с прошлым. Другая часть, та, которую я стыдилась и прятала даже от самой себя, почти хотела увидеть свой ночной кошмар, убедиться, что он реален. Вдохнуть знакомый запах цветка кордера и сказать себе: я справилась. Я больше не та девчонка с измученным сердцем, живущая в старом, полном призраков доме.

Большая часть тех, кто был на кладбище, постепенно перемещались в Кордеро-холл, где совместными усилиями Кайлы и Хейвен, давней подружки семьи, организовали фуршет.

После дождя дышалось намного легче. Я брела по знакомым улицам к большому особняку в дикируанском стиле с витиеватой буквой «К» на воротах и пыталась поверить, что да, я вернулась, я снова в Хейзенвилле. Как давно я не ходила по этим улицам...

Смерть отца открыла передо мной прежде наглухо закрытые двери. Кордеро-холл больше не держал, и я сбегала, оставив все, что называла семьей и историей Кордеро. За это меня называли предательницей. Но я словно освободилась от всего, что так угнетало. И совсем не рада была вернуться.

Особняк я увидела издалека. Он совсем не изменился, все такой же величественный и мрачный. Массивные окна с рамами из красного дерева. Я помнила, как весело было сидеть на подоконниках, придумывать страшилки и смотреть на ночной сад. Скрипнули ворота, признавая хозяйку. И вдруг будто подул теплый ветерок, едва я ступила на территорию дома. Имение словно приветствовало блудную сестру, залетевшую на огонек. Совсем ненадолго.

Особняк встретил меня множеством голосов и знакомым запахом. Мы всю жизнь здесь прожили, а запах — лака для дерева и кофе — остался прежний. Родной запах, до боли знакомый.

Видят боги, как я хотела сразу же подняться к себе, чтобы не слушать этих заученных слов соболезнования. Не слышать перешептываний. Не замечать на себе взглядов. Но все же я была одной из Кордеро, а значит, должна держать лицо.

— Кортни! — Хейвен сразу же кинулась ко мне. — Я не знала, что ты приедешь.

Хейвен, сколько я себя помню, была лучшей подружкой Кайлы. Мы с ней никогда не ладили и старались не пересекаться. Но меня не было пять лет, и... какие, к адским псам, старые подростковые обиды?

— Добрый вечер, Хейвен, — улыбнулась я. — Да, я приехала всего на один день, почтить память Кристалл. Затем мне нужно будет вернуться к занятиям.

— А... — В глазах девушки я явно увидела промелькнувшее осуждение. — Понятно.

Она тряхнула длинными русыми волосами и улыбнулась. На этот раз слишком сладко.

— Вы неплохо постарались, — сказала я. — Закуски впечатляют.

— Да, традиции требуют уважать ушедших. Хотя лично я не понимаю тех, кто думает о закусках, когда его близкий человек лежит в земле.

Не надейся, Хейвен, теперь меня не так просто вывести из себя. Я уже не взрываюсь от неосторожного слова, и устроить скандал на проводах Кристалл у тебя не выйдет.

— Кортни, богиня моя! — раздалось откуда-то сбоку.

Я почти с облегчением покинула Хейвен.

Диналия — еще одна подруга нашей семьи. К встрече с ней я готовилась основательно, но все равно сердце сделало пару кульбитов и подступило к горлу. Если здесь Диналия, значит, и ее брат рядом. Диналии всего шестнадцать, она лучшая подружка Ким, а ее брат...

...Ее брата зовут Герберт Уолдер. Я еще не видела его в этой толпе лицемеров, но наверняка он скоро появится. Вот с ним-то и придется держать себя в руках. Единственная слабость Кортни Кордеро, единственная помеха на пути к идеальному образу. Я ненавидела Герберта Уолдера больше всего на свете. Я могла бы убить его, если бы знала, что это сойдет мне с рук.

А вынуждена была держаться.

— Кортни, — Ким нашла меня в толпе студентов Кайлы, расспрашивающих о моей учебе в Даркфелле, — тебе и Кайле нужно подняться в кабинет отца.

— Зачем?

— Герберт будет читать завещание.

— Что, сейчас?

Я думала, завещание Кристалл огласят, когда все уйдут. Но наш поверенный, несомненно, лучше знал, в какой момент собрать наследниц семьи. Вот демоны, я надеялась

отсрочить встречу с ним! Но надеяться на то, что Герберт придет на приглашение кого-то из помощников, было глупо.

— Уже иду, — кивнула я сестре.

Ким, даже не подозревающая, что творилось у меня внутри, унеслась. Воображение и страх перед встречей с Гербертом сыграли со мной злую шутку: вдруг почудилось, что все присутствующие говорят только обо мне. Улыбки показались насмешками, а мимолетные взгляды — преследованием.

Я тряхнула головой, избавляясь от пугающего ощущения — словно за мной кто-то наблюдает. Исподтишка, прячась в толпе.

Словно призрак отца вернулся, чтобы напомнить о том, что я сделала.

Голову выше, Кортни, легкую усмешку на лицо. Ты так долго тренировала этот образ, что теперь не имеешь права допустить ошибку.

* * *

Несмотря на то что в кабинете папы последние годы работала Кристалл, все в нем осталось так, как при его жизни. Не могу сказать, что была этому рада, скорее я чувствовала себя не в своей тарелке, сидя в глубоком кожаном кресле напротив стола. В детстве нам запрещалось заходить в папин кабинет, и сейчас — я готова была поклясться — мы все чувствовали, будто нарушаем незыблемое правило.

— Кортни, — кивнул мне Герберт.

Я кивнула в ответ, нечеловеческим усилием сдержав дрожь. За пять лет я совсем забыла этот голос: глубокий, бархатистый, с хрипотцой. Герберт всю мою сознательную жизнь был поверенным нашей семьи. Этот мужчина, маг и юрист, обладал тремя важными особенностями, из-за которых на него вешались девушки из самых разных слоев.

Во-первых, у него невероятный голос.

Во-вторых, поразительные глаза, глубокие, почти черные.

В-третьих, он богат.

Да, Герберт Уолдер несомненно хорош собой. Высокий, отлично сложен, его темные волосы всегда аккуратно подстрижены, а из рук он не выпускает небольшие деревянные четки. Держится уверенно и немного небрежно, в одежде предпочитает свободные рубашки, не стесняя себя бабочками и пиджаками.

Вот и сейчас Герберт в своей излюбленной манере стоял перед всеми нами, опираясь на краешек стола.

— Кайла, Кортни и Кимберли, — начал он, — вы — единственные наследницы Кристалл Кордеро, жены Карла Кордеро, последние наследницы рода Кордеро. Сегодня вы потеряли мать. Мои соболезнования.

Звонкий голос Кайлы заставил Ким вздрогнуть. Я старалась лишней раз на старшую сестру не смотреть.

— Бросьте, Герберт, мы уже не перед гробом, не нужно устраивать маскарад.

Герберт ответил холодно и, быть может, надменно. Как бы я ни ненавидела этого мужчину, к его чести следует признать: на чары моей старшей сестрички он никогда не велся. Даже когда юная Кайла очаровывала всех гостей своими талантами, господин Уолдер предпочитал ее компании крошку Ким.

— Смею заметить, Кайла, единственная, кто устроил маскарад, — это ты. Причем бездарный.

Кайла изменилась в лице и умолкла. Ким хихикнула:

— Пять баллов!

— Кимми, — я покачала головой, призывая сестру немного успокоиться, — это завешание. Не нужно.

— Согласно закону, магии и традициям, вы становитесь единоличными обладательницами всего имущества рода Кордеро. В связи с кончиной Кристалл я обязан обнародовать дополнение к завещанию от вашего отца.

Мы переглянулись. Никто не знал о дополнении.

— Что ж, дополнение к завещанию мага Карла Тристана Кордеро обнародуется впервые, в присутствии лиц, указанных в дополнении, и поверенного, оговоренного отдельно. Настоящее дополнение вступает в силу в связи с обстоятель-

ствами, когда наследование состояния семьи Кордеро переходит к дочерям Карла Тристана Кордеро, и... да, Кайла...

— Можно короче?

— Все для тебя, — криво усмехнулся Герберт. — Итак, если опустить формальности, согласно дополнению к завещанию вашего отца, после смерти Кристалл Кордеро вы не имеете права продавать семейный особняк и фамильные имения на берегу моря Варраси. Не имеете права отказываться от магии, проводить процедуры по изменению типа магии, процедуры по изменению внешности, а также участвовать в любых мероприятиях, будь то развлекательных или иных, предполагающих риск для жизни. Все денежное состояние семьи Кордеро делится в следующих пропорциях: сорок процентов Кайле, по тридцать процентов Кортни и Кимберли. Также каждая получает перечень предметов антиквариата и объектов недвижимости. При желании ознакомитесь со списком. И последнее условие — в права наследства вы вступаете по достижении возраста в тридцать лет каждая. До этого периода вам назначается ежемесячное пособие в размере тысячи золотых. Оплата расходов по дому и налогам возлагается на поверенного вплоть до вступления в основные права наследования первой сестры.

Герберт выждал паузу, давая нам переварить информацию, и нанес последний, роковой удар:

— Также существует примечание. В целях сохранения рода Кордеро и древней фамилии каждая из сестер вступает в наследство в том, и только в том случае, если к указанному возрасту даст семье наследника или наследницу.

— Что?! — тут же взвизгнула Кайла и вскочила. — Я что, племенная кобыла?! Герберт, как ты это допустил, как ты позволил...

— Твой отец находился в здравом уме, когда писал завещание, — отрезал Герберт. — Сядь.

Наверное, с Кайлой никто еще так не разговаривал. Она мгновенно сникла и опустилась в кресло. Кимотреагировала спокойнее, в ее возрасте я и не задумывалась о детях или браке. Сейчас Ким думает, что до тридцатилетия далеко.

Мне до указанного возраста оставалось почти семь лет. Если быть точнее — шесть лет и десять месяцев.

Я сама не могла сказать, какотреагировала на условия отца. Чего-то подобного я и ожидала. Удивления не выдала, сумела сохранить спокойствие и была этому очень рада.

— Такова воля вашего отца, — произнес Герберт. — Ваша воля — исполнять или не исполнять условия завещания.

При этом он многозначительно посмотрел на побледневшую Кайлу. Ей двадцать семь. Разумеется, детей она и не планировала.

— Завещание Кристалл, в общем-то, проще. Все накопленные средства она завещала фонду помощи бездомным и дому целительства. Всю одежду — Храму Богини. Украшения — частично в музей, частично — в фонд семьи. Как вы понимаете, Кристалл распоряжалась деньгами вашего отца, так что для вас никаких накоплений не оставила. Впрочем, к ее чести, она была удивительно умной женщиной и сумела ваше состояние приумножить.

Герберт взял со стола другой листок и достал из ящика какую-то шкатулку.

— Кристалл была бы не Кристалл, — вдруг улыбнулся он, — если бы не оставила вам небольшие сувениры.

Он открыл коробку и достал оттуда карманное зеркальце, инкрустированное рубинами и гранатами.

— Кайле, которая не мыслит себя без любви, — прочитал Герберт и протянул Кайле зеркальце.

Сестра изо всех сил делала скучающий вид, но я заметила, как дрожит ее рука.

— Кортни, девушке, для которой время является главной ценностью.

Я постаралась взять старинные карманные часы так, чтобы не коснуться руки поверенного. Показалось, Герберт это заметил: его глаза опасно блеснули. Волна ненависти поднялась во мне, но нечеловеческим усилием я ее подавила. На глаза навернулись слезы, когда я открыла часы. Кристалл... Кристалл понимала меня, понимала мой порыв,

осознавала причины моего побега. Не оправдывала, но понимала.

— Ким, нашей маленькой художнице. — Герберт отдал Ким небольшой блокнот с красивыми пергаментными листами. — На память обо мне и моей к вам любви.

Мы молчали, сжимая каждая свой подарок. Я предполагала, что будет какое-то письмо или слезливая речь, но, если честно, не ожидала, что последняя воля Кристалл подействует сродни оглушающему удару. Эти часы я видела несколько раз, ими пользовалась Кристалл, они были... Они ей подходили. Словно были созданы для нее.

— Она вас любила, — произнес Герберт. — Пусть не показывала этого, но очень любила.

— Что ж, — Кайла привычно нацепила маску холодной стервы, — спасибо, Герберт. Я должна вернуться к гостям. В этом доме даже похороны проходят так, словно мы продаем ее тело.

Для похорон Кайла выбрала черное платье «в пол». Закрытое, с длинными рукавами и плотно облегающим верхом, но расходящейся юбкой из легкого шифона в несколько слоев. Как по мне, такой наряд был слишком уж торжественным, но в этом вся Кайла. Не сомневаюсь, что она знает, в чем ее нужно будет хоронить, если вдруг что. И упасите боги не сделать ей маникюр — восстанет, как пить дать.

— И не надейся, Герберт, что останешься нашим поверенным, когда я вступлю в права, — донесся ее голос из коридора. «Сначала роди», — захотелось ответить мне.

— Я тоже пойду, — тихо произнесла Ким и шмыгнула носом.

Поднялась и я, совершенно не желая оставаться в компании Герберта. Мне нечего было ему сказать.

— Она в чем-то была похожа на тебя, Кортни. — У него оказались совершенно иные планы.

Нужно было уйти, но я замерла, так и не дойдя до двери, крепко, почти до боли сжимая в руке часы.

— В городе ее считали содержанкой. Беднячкой, которая удачно вышла замуж. Она не боялась осуждения, улыбалась

всем, кто за глаза ее оскорблял, и заставляла приветствовать ее на утренней прогулке. А ты не побоялась сбежать. Нам нужно поговорить, Кортни.

— Нам не о чем разговаривать. — Лед в моем голосе прозвучал достаточно явно.

— Надо же, в Даркфелле учат говорить «нет»? — усмехнулся Герберт.

— В Даркфелле, — сладко улыбнулась я, — учат не разминать время на того, кто этого не достоин. Извини, меня тоже ждут гости.

По лицу Герберта пробежала тень. Я знала, на какие точки нажимать, чтобы сделать ему больно. В детстве много раз слушала занятную историю.

О том, как подружились два мальчика: богатый подросток, сын влиятельнейшего мага, и бедный сирота, несколько младше первого, продающий газеты на площади. Как их дружба из детской переросла в настоящую, крепкую, как богатый мальчик взял над младшим товарищем шефство и помог другу поступить в Хейзенвилльский колледж, как благодарный мальчик стал поверенным друга и оставался с ним до самой смерти.

Герберт, как и все, выбившиеся из низов, смертельно ненавидел упоминания о своем прошлом. Особенно от таких, как я. Особенно от меня.

Вопреки сказанному я не пошла в зал для приемов, где толпился народ. Если память мне не изменяла, в малой столовой стоял небольшой бар. Туда я и направилась, чтобы выпить в одиночестве и немного успокоиться.

Однако об одном я забыла.

Огромный портрет, на половину стены, повесили, еще когда папа только начал болеть. Художник рисовал его добрых три месяца, и мы ненавидели дни, когда нас часами заставляли позировать.

Папа, Ким, Кайла и я. Семья Кордеро, одна из величайших магических семей мира.

Семья, которой никогда не существовало.

Музыка стихла лишь к полуночи, когда я уже закончила все водные процедуры и готовилась ко сну. Этот дом навевал воспоминания. Каждый звук в нем, каждый предмет рождали десятки образов. Я спала в своей старой комнате, и, за исключением личных вещей, здесь все осталось по-прежнему. Та же темная тяжелая мебель из красного дерева, тот же дорогой эрентийский ковер, огромная кровать с мелкими подушками. Портрет мамы сняли. Кристалл после смерти отца убрала все портреты и заперла в хранилище, и это тоже стало одной из причин, по которым наши отношения с мачехой можно было описать как прохладные.

Часы лежали на столике. Надо же... Когда я уехала, Кристалл оборвала все связи, перестала давать мне деньги. Она не могла отменить содержание, назначенное отцом, но выделять что-либо сверх него категорически отказалась. Я не думала, что она включит меня в завещание, а уж тем более не думала, что Кристалл оставит часы.

Бронзовая поверхность блестела в свете лампы. Я аккуратно потрогала пальцем завитки на часах, открыла, чтобы полюбоваться. Изящная секундная стрелка неспешно завершала круг. Я уже знала, что не расстанусь с этим подарком.

На внутренней стороне крышки была какая-то гравировка. Приглядевшись, я поняла, что напоминает она беспорядочный набор букв. Странно... не сказала бы, что это украшение пошло часам на пользу.

Над Хейзенвиллем взошла полная луна. Я поднялась, чтобы задернуть шторы. Нужно спать, иначе я рискую пропустить экипаж, ждать он не будет.

Щелчок. В полной тишине он прозвучал особенно громко, и я поняла, что звук доносится от часов. У меня не было дара прорицательницы, но почему-то именно в этот момент ощущение приближающихся неприятностей вышло на первый план. Я осмотрела часы со всех сторон, но больше ничего не щелкало, время они показывали нормальное, стрелки ходили исправно.

Но что-то было не так, а что именно, я поняла, едва взглянула на внутреннюю крышку часов. Там, где раньше были хаотично разбросаны буквы, теперь отчетливо угадывались несколько мелких строчек. Я поднесла часы поближе, чтобы рассмотреть гравировку. Кристалл ни разу не была замечена в подобных шутках... Буквы были мелкие, но я без проблем прочитала послание.

«Маленькие девочки хранят большие тайны. И кто-то знает твою. К.»

Где-то вдалеке закричала неясность.

Пять лет назад

Ревность можно было спутать с ощущением от острого блюда, съеденного в нетерпеливом голоде на пустой желудок. Неприятное ощущение. Особенно если новое. Ревность отравляла любое удовольствие, будь то успех в суде или глоток хорошего виски. И, может, она была бы не так противна, если бы к этой ревности не добавлялся тот факт, что ревнует он совсем неправильную девушку.

Кашиановы кудри разметались по подушке, на миловидном лице застыло выражение крайней тоски. Она, кажется, готовилась к экзамену по истории, и это занятие доставляло максимум страданий. Он мог бы ей помочь, но что-то останавливало от этого необдуманного шага. Поэтому Герберт просто сидел в гостиной, потягивая почти остывший кофе.

Пока она не видела, его взгляд скользил по хорошенькой фигурке и миловидному лицу. И надо было думать о деле и предстоящем суде, но все как-то не получалось. Идея скоротать ожидание в гостиной оказалась не такой уж хорошей.

– Ты не знаешь годы правления Филиппа Демайро? – вдруг спросила она.

– С семнадцатого по сорок первый, – лениво ответил он.

– Спасибо, а...

– Кортни, прекрати доставать его вопросами! – словно раскат грома, по гостиной прокатился голос Карла. – Научись справ-

ляться с заданиями сама, если не хочешь остаться без образования.

– Да, папа. – Украдкой она закатила глаза, и губы Герберта тронула едва уловимая усмешка.

Его всегда поражало, как Кортни умудрилась вырастить в себе такой характер.

В семье их было три. Старшая – заносчивая и надменная Кайла – открыто выражала свой протест против отца, впрочем, лишь создавая нужное впечатление. Кайла казалась всем бунтаркой, но в принципиальных вопросах была тише воды, и Карла, как ни странно, это вполне устраивало.

Младшая – Ким, любимица семьи – даже в детстве не отваживалась капризничать. Иногда Герберту казалось, что любимая фраза Кимберли – покорное и почтительное «Да, папа». Но вряд ли она страдала. Некоторым гиперопека только упрощает жизнь. Ким была счастливее прочих в этом доме.

Кортни же... она была другой. Протест ощущался внутри нее, шел со всей искренностью, при этом спокойно и уверенно. Она словно... словно знала, что не зависит ни от кого и ни от чего. Ни от денег, ни от деспотичного отца. Выполняла все, что от нее требовали, с холодным достоинством. Училась, бывала на светских приемах, посещала занятия по танцам и музыке. Дружила с правильными людьми, улыбалась отточенной улыбкой. И при этом мало кому нравилась. Независимость в Хейзенвилле не любили. Пусть даже такую, внутреннюю и скрытую за маской покорности.

Может быть, поэтому Герберту особенно хотелось эту независимость сломать.

Он был неглупым мужчиной. И понимал, откуда происходит его влечение к ней. Помимо красоты и природной силы Кордеро, Кортни была ценна как самый драгоценный камешек в коллекции Карла. Герберт находился в тени друга с самого детства. И сделать Кортни зависимой не от всемогущего Карла Кордеро, а от него, Герберта Уолдера, стало очень привлекательной идеей. А вскоре и навязчивой.

И хоть часть его этой мысли всячески противилась, голос ее был слаб.

ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ

– Ты выбрала факультет? – спросил он.

Конечно, Герберт знал, что факультет выбрала не Кортни. Это знал каждый обитатель Кордеро-холла, и ни у кого не возникало даже мысли, что может быть иначе.

– Магическое право, – пожала плечами Кортни, не выпуская из рук учебник, – ты же знаешь.

– Тебе действительно это интересно? – Он не удержался от того, чтобы поддразнить ее.

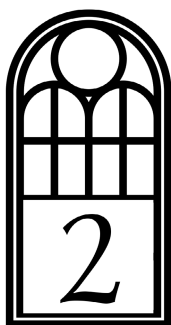
Она закрыла учебник и легко поднялась. Глубокие карие глаза смотрели с легкой насмешкой. Герберт не отводил взгляда приступно долго.

– Нет. – Ее губы чуть тронула улыбка. – Неинтересно. Извини, меня ждет Ким. Удачного суда!

Мужчина одним глотком допил содержимое чашки и проводил Кортни взглядом. Она определенно чувствовала его настроение и... тоже решила поиграть?

Игры Герберт любил. Даже те, что могли закончиться смертью.

«**М**утка, шутка», — повторяла я себе. Всего лишь шутка Кристалл. Как забавно было бы подшутить над падчерицей, ослушавшейся воли старших. Так я себя успокаивала, сидя на кровати и рассматривая надпись.

Проблема была лишь одна: Кристалл никогда не имела склонности к подобным шуткам. Она мало улыбалась и уж точно не тратила драгоценное время на розыгрыши. Это удел Кимми, но Ким не способна плясать на костях погибшей мачехи.

Наконец разболелась голова. Бессонная ночь перед похоронами, сумасшедший день, встреча с Гербертом и эти часы — я давно забыла это ощущение, когда виски словно сжимают в стальных тисках. В баре, помимо алкоголя, на такой случай всегда стояла банка с порошком. Совершенно непроизвольно я пропустила третью сверху ступеньку — знала, что она скрипит. Потом усмехнулась. Усмешка вышла горькая. Когда отец болел, любой шорох мог его разбудить, и я изучила каждую скрипящую поверхность в этом доме. Надо же, за пять лет не забыла...

Я услышала тихие голоса еще в коридоре. Сестры не спали, вероятно, не могли прийти в себя после сегодняшнего дня. Как бы Кайла ни играла стерву, я знала, что ей всегда тяжело давались похороны. Она была самой старшей,

когда хоронили маму, и хорошо помнила то время, в отличие от нас. Я толком ничего не понимала, а Ким и вовсе еще не родилась.

— Кортни? — раздался голос Ким. — Это ты?

Я не стала таиться и вошла в гостиную. Кайла все еще была в своем платье, она поздно ложилась. Ким уже готовилась ко сну и переоделась в сорочку.

— Не спишь? — хмыкнула Кайла. — Нам тоже. Твои шутки?

— Кайла, хватит! — Ким вскочила с кресла. — Зачем Кортни так шутить?

Закралось неприятное и в некотором роде неожиданное подозрение.

— Что случилось? — спросила я.

Вместо ответа Ким показала свой блокнот. Внутри, на первой странице, красовалась точно такая же надпись, что и на моих часах. И даже почерк совпадал, вот только я не знала, кому он принадлежит.

— А у тебя? — спросила я Кайлу.

Та нехотя протянула зеркальце. На посеребренной поверхности, словно помадой, оказались выведены те же слова.

— И вы думали, что это я. Отлично...

Так как на столе уже стояла бутылка с виски, мне осталось всего лишь достать из бара чистый стакан. Я щедро плеснула себе янтарной жидкости и одним махом осушила первую порцию. Вторую уже принялась потягивать. Плохая идея при головной боли, но я никогда не была хорошей девочкой.

— Что-то мне не смешно, — презрительно скривилась Кайла. — Кристалл была настолько стервой, что даже после смерти решила нас приструнить?

— Кристалл была не большей стервой, нежели ты, Кайла. Прекрати истерику.

— Прекратить?! — взорвалась сестра. — Кортни, это не истерика. Это... Боги, а что, если это не Кристалл, а кто-то, еще не унесший нашу тайну в могилу?

— И кто же это? Вы кому-то рассказали?

— Нет! — горячо заверила Ким.

Кайла отрицательно мотнула головой и поджала губы.

— Ну, надеюсь, во мне вы не сомневаетесь.

— Это могла быть только Кристалл, — медленно произнесла Ким. — Либо Герберт, он наверняка видел эти вещи, передавая нам. И мог заколдовать.

— Герберт не похож на идиота. — Кайла покачала головой. — Он был верен отцу, и я сомневаюсь, что стал бы вредить нам. Он знает, что я его не уволю. Обожает Ким, смирился с побегом Кортни. Если это он, то он больной.

О Герберте я могла многое рассказать, но не стала. Если бы он хотел шантажировать меня, не стал бы втягивать в это дело Кайлу и особенно Ким. Хотя игра — это совершенно точно второе имя Уолдера.

Действительно бессмыслица. Вот только врагов у семьи Кордеро достаточно.

— Хорошо, предположим, это не шутка. Если это шантажист, он себя еще проявит. Потребует денег или еще что-то. И тогда уже решим.

— Дать деньги? — с сомнением проговорила Ким. — Это не выход.

— Нет, — согласилась Кайла. — Весь вопрос в том, о чем именно здесь говорится.

— Предполагаю, что о нашей общей тайне. Иначе мы не получили бы одинаковые послания. Хорошо, бежать в ночи и делать кучу глупостей — не наш вариант. Идите спать, остается только смотреть, что будет дальше. Я оставлю вам свой адрес — если подобное повторится, сообщите.

Кайла и Ким недоуменно переглянулись.

— И что, ты уедешь? — спросила Кайла.

— Да, уеду. Мне нужно закончить этот год, я оставила в Даркфелле комнату и никого не предупредила. Глупые магические шутки — не то, что может заставить меня жить в Кордеро-холле дольше, чем следует.

— А если это продолжится?

— Вот когда продолжится, тогда и будем решать, что делать. Но пока не вижу смысла поднимать панику. Все, идите спать.

Ким беспрекословно подчинилась. Кайла, хоть и выглядела уставшей, отсалютовала мне бокалом и осталась сидеть в кресле, гипнотизируя взглядом зеркало. Что ж, ее выбор. Но я искренне полагала, что беспорядочное метание из угла в угол не приведет ни к чему хорошему.

Каждый член семьи Кордеро имел немало тайн. Находились среди них и такие, раскрытие которых принесло бы достаточно бед. Что именно знает тот, кто отправил эти послания, и, главное, как он будет это знание использовать?

* * *

Я проснулась с уверенностью, что до рассвета еще куча времени, но, взглянув на часы, поняла, что едва не проспала экипаж. Не помню, чтобы наглухо задвигала шторы накануне, но сейчас они были закрыты так плотно, что ни один рассветный луч не проникал в комнату.

До прибытия экипажа оставалось полчаса.

Быстро приняв холодный душ, я переоделась и, подумав, решила не завтракать. До Даркфелла четыре часа пути, перекушу там. Мне не терпелось вернуться домой. Кордеро-холл домом я давно не считала.

Ни долгих прощаний с сестрами, ни чашки кофе перед дорогой. Я решительно спустилась на первый этаж, чтобы через сад пройти к воротам, где уже ждал экипаж. На последней ступеньке накрыло дежавю: я снова сбегала. Только в первый раз бежала от себя, а сейчас — от прошлого. От того, что мы с сестрами сделали и чем это может обернуться теперь, когда кто-то знает нашу тайну.

Я замерла на полпути, услышав из большой столовой детский плач. Дети? В доме нет никаких детей.

«Уходи, Кортни, уходи навсегда!» — шептала интуиция.

Но любопытство победило, и я вошла в зал.

Ким, стоявшая к выходу спиной, держала на руках ребенка, который ревел не переставая. Сестра неумело его качала, а Кайла сидела рядом на стуле и массировала виски. Похоже, она так и не ложилась.

— Привет, — осторожно сказала я, — это чей?

— Кортни! — воскликнула Ким, стараясь перекрыть рев. — Я думала, ты уехала!

— Экипаж только подали. И все-таки — чей ребенок?

— На, прочитай! — истерически крикнула Кайла, от чего малыш еще сильнее заплакал.

Она сунула мне в руку небольшую голубенькую карточку с серебристой окантовкой.

— Кайла вышла утром на занятия и увидела на крыльце сверток с ребенком, — тем временем объяснила Ким.

— На крыльце? Территория сада защищена заклятиями, причем довольно древними. Кто сумел пробраться к крыльцу?

— Хороший вопрос! — скривилась Кайла. — Это было в свертке. Читай!

Я перевернула карточку и прочитала:

— Хейзенвилль хранит столько тайн, что некоторые из них приходится подкидывать под дверь.

Ребенок начал реветь еще громче.

— Кто твоя мама? — Ким принялась с ним сюсюкать. — Какой красивый малыш, кто у нас плачет?

— Вы его кормили? — спросила я.

— Нет! — ответила Кайла. — Думаешь, он оценит оставшиеся с ужина трюфели в вине?

— Понятно, — вздохнула я. — Нужно вызвать стражу. Но прежде я напишу Герберту. Не хватало нам еще проблем с чужими детьми.

— Агу-у-у, — улыбалась ребенку Ким, и тот — счастье тишины! — заулыбался ей в ответ.

Я направилась в кабинет отца, чтобы вызвать Герберта — он обязан был решать подобные вопросы. И пусть благодарит богов, что ночью мы дали ему выспаться. Я все еще сжимала в руке записку. Она не давала мне покоя, как

и вечерние послания на часах. Ребенок на крыльце — это уже не шутки. Но если это знак, то слишком уж туманный. При чем здесь ребенок?

И что подумает Герберт, увидев записку, написанную моей рукой?

Нельзя об этом думать.

— Кортни! — раздался крик Ким, когда листок для поверенного исчез в алом пламени моей магии. — Спускайся!

Оставалось надеяться, Герберт появится раньше, чем очередные неприятности.

Но надежда в этом доме не приживалась. Стены пропитались темной аурой рода Кордеро и не оставляли шанса чему-то светлому и доброму.

Как оказалось, Герберт уже был здесь. А еще с ним явились двое стражей, одного из которых я узнала — Тай О'Ши, поклонник Ким. Кристалл не разрешала им встречаться из-за разницы в пять лет, но Кайла вроде как собиралась смягчить условия. Тай уже год служил помощником стража, но что они с наставником забыли в такую рань в Кордеро-холле?

— Леди Кордеро, — хором поздоровались стражники.

Герберт просто кивнул, не удостоив меня взглядом. Впрочем, вряд ли в этот раз дело было во мне: он не сводил глаз с Ким, державшей ребенка. На лице поверенного застыло самое мрачное из всех возможных выражений.

— Леди Кордеро, — обратился стражник к Кайле, — я вынужден арестовать вас за похищение Джеффа Белами.

— Что? — ахнула Кайла. — Я никого не похищала!

— К сожалению, старшая дочь семьи Белами, Стелла, видела вас с ребенком. Я своими глазами вижу Джеффа, все приметы совпадают, а показания не оставляют шансов. Простите, но я должен вас арестовать.

— Подождите...

— Молчи, — отрезал Герберт. — Молчи, Кайла, ты сделаешь только хуже.

Ей уже застегивали на запястьях антимагические браслеты.

Тай аккуратно забрал у Ким ребенка.

Нашу семью хорошо знали в городе, в том числе в кругах законников. Мы ежемесячно делали пожертвования в корпус стражи Хейзенвилля, поэтому с Кайлой обращались так мягко, как возможно. К экипажу ее выводили едва ли не под руку, помогли надеть пальто. На все это я смотрела с нарастающим чувством беспокойства.

Да, мрачные послания, бесспорно, неприятны. Подкинутый ребенок еще хоть как-то тянет на злую шутку, но арест Кайлы... Я повернулась к Герберту.

— Делай что-то!

— Позволь напомнить, что я не твой личный слуга. Кайла...

— Кайла не крала ребенка! — четко, почти по слогам, проговорила я. — Его подбросили под дверь. Очевидно, чтобы ее подставить. Кто, как и зачем — разберись. Иначе, Герберт, ты действительно не будешь работать в этом доме.

Я развернулась, чтобы подняться наверх и еще раз изучить записку. Одни боги ведают, почему я не отдала ее Герберту. Не была уверена, что ее авторство не принадлежит ему?

Но он перехватил меня, больно сдавив запястье. Я с трудом справилась с дрожью. Кожа под его пальцами горела огнем. Ким растерянно переводила взгляд то на меня, то на Герберта.

— Отпусти! — потребовала я. — Ты уже не лучший друг моего отца. Ты на нас работаешь. Или делай свое дело, или катись.

— Я распоряжаюсь твоим наследством, Кортни, не стоит так со мной разговаривать.

— Посмотрим, удастся ли мне оспорить твое право на управление моими деньгами? Ты на меня работаешь, Уолдер. И я рассчитываю, что будешь делать это с куда большим усердием, чем когда папа был жив.

Хватка медленно ослабла. Я вырвала руку и устремилась наверх.

Кайлу продержали весь день и к вечеру не пустили, несмотря на все наши надежды. Увидеться с ней тоже не давали. Похищение ребенка — серьезное преступление. В Хейзенвилле трепетное отношение к детям. За незаконные абортс иных лишали магии.

Я никак не могла сосредоточиться на письмах. Кроме почерка, в них явно было что-то общее. Никакой конкретики, никаких подписей, требований, угроз. Словно загадочный аноним просто решил поиздеваться.

— Тук-тук. — Ким приоткрыла дверь и заглянула в кабинет. — Ты здесь уже четыре часа. Я принесла тебе кофе и обед. Придумала что-нибудь?

Ким села в кресло напротив.

— Нет, что тут придумаешь? Нужно ждать вестей от Герберта, он все еще там.

Сестра обвела взглядом кабинет. Ничего в нем не напоминало о бывшем присутствии Кристалл.

— Так странно видеть тебя здесь, — сказала Ким. — Иногда мне кажется, что отец не умер, что он все равно пристально за нами следит.

Порой этим чувством меня накрывало даже в Даркфелле. Я не спала ночами, убеждая себя: проклятая сволочь мертва. Он больше не имеет власти над нами. Но ощущение, что ночь смотрит в окно его глазами, иногда было таким же реальным, как и прочие чувства.

— Да, мне иногда тоже так кажется. Но он умер, Ким. И нужно учиться решать проблемы без оглядки на мнение папы.

— А что бы он сделал?

— Не знаю. Я так и не изучила его, это все равно что жить с посторонним человеком в одном доме. Но, думается, он бы вытащил Кайлу гораздо раньше.

— А что, если это сделала Хейвен? — Ким задала вопрос, и я поняла, что он мучил ее с самого утра.

— Ким, Хейвен не помнит, что мы с ней сделали. Мы миллион раз это проверяли.

— Да, но мы ведь не знаем, на что способна человеческая память! Помнишь Сесилию Эйвен, знакомую Кристалл? Она пролежала без сознания год, а когда проснулась, помнила все, включая первые месяцы жизни.

— Сесилия стала жертвой неудачного заклęcia.

— И ее место в университете, кстати, заняла Кайла. Так что она тоже может хотеть отомстить.

— Половина Хейзенвилля ненавидит нашу семейку. Круг подозреваемых даже не широк, он просто не имеет границ. А если предположить, что существует псих, который мстит через нас уже мертвому отцу, то я не ручаюсь и за другие миры.

Ким невесело рассмеялась и зевнула. Не одна я провела почти бессонную ночь. И, быть может, впереди еще уйма таких же.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала. Если честно, я думала, что после смерти Кристалл ты вернешься. Кайла, конечно, не подарок, но все же она наша сестра. И тоже ненавидела правила, придуманные отцом.

— Ким, я уехала не из-за Кайлы. — Я замолчала, размышляя, стоит ли рассказывать Ким обо всем, что произошло перед смертью папы. — Я уехала из-за Герберта, и...

— Леди Кордеро? — После короткого стука в кабинет вошла Нина — экономка. Она жила неподалеку и была единственной, кому отец доверял уход за домом в период своей болезни. Прочую прислугу он давно разогнал. Мне казалось, Нине очень много лет, но на самом деле она пришла к нам совсем юной девочкой и сейчас была чуть старше Кристалл.

— Внизу ждет леди О'Ши, хочет с вами поговорить.

Мы с Ким переглянулись, и я заметила в глазах сестры панику. Хейвен пришла как раз после ареста Кайлы?

Значит, либо весь Хейзенвилль в курсе, что мы замешаны в похищении ребенка, либо Ким права и Хейвен действительно вспомнила события десятилетней давности.

Вся суть Хейвен была в том, чтобы быть элегантной серой мышкой. Этот образ позволял ей манипулировать людьми, получать то, что она захочет, и при этом оставаться той самой девочкой, которую все жалеют. Впрочем, моя

неприязнь к Хейвен была продиктована совсем не этим. Когда-то мы даже дружили.

Она сидела в гостиной, длинные рыжие волосы были собраны в косу. По ее лицу я не поняла, что именно она хочет сказать, но инстинктивно напряглась.

— Хейвен, добрый день, — поздоровалась я и даже выдавила легкую улыбку. — Кайлы сейчас нет...

— Да, я знаю. — Хейвен поднялась, одергивая юбку. — Я пришла поэтому. Кортни, ей нужно что-нибудь? Теплые вещи, еда?

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Хейвен прекрасно знала, что едва Кайле что-то понадобится, она получит это в мгновение ока.

— Боюсь, ей сейчас хочется лишь свободы. Мы немного шокированы тем, что случилось, но уверены, что ситуация вскоре разрешится. Герберт уже работает со стражей.

— Да, конечно, — поспешно закивала Хейвен. — Извини, Кортни, я, наверное, глупая. Кайла — единственная моя подруга. Пожалуйста, дай знать, когда все разрешится, ладно?

— Да, само собой. Думаю, завтра она будет дома.

— Бедная Кайла, — вздохнула девушка. — Сначала это известие о завещании. Потом ребенок. Ума не приложу, кто может так шутить.

— Завещание? А что с ним?

Я не доверяла Хейвен и то ли ожидала от нее мести, то ли просто чувствовала, что она не такая дурочка, какой прикидывается.

— Кайла вчера очень расстроилась из-за условия вашего отца, ну... того, про детей. Она столько выпила... я так за нее волновалась и даже не хотела ехать домой, но Кайла сказала, что ты будешь против...

— Кайла так сказала? — спросила я жестче, чем планировала.

Хейвен густо покраснела.

— Прости, Кортни. Твой приезд стал неожиданностью для всех. Послушай, давай начнем заново? Нашу дружбу, наверное, не вернуть, но ведь мы можем общаться, верно?

— Да, конечно. Мне кажется, ты не так поняла Кайлу. Условия в завещании вполне приемлемые. Ты, наверное, не в курсе, но в таких семьях, как Кордеро, условие продолжения рода является совершенно нормальным. И речь идет лишь об управлении Кордеро-холлом.

Хейвен всю перекосило, хотя она и попыталась это скрыть. Ее семья была из тех, что сколотила состояние честным трудом. Их принимали в местном обществе, с ними общались, но каждый знал, что О'Ши не равня старейшим семьям Хейзенвилля. Я уважала людей, поднявшихся с низов, но ненавидела, если они при этом презирали тех, кому состояние досталось от предков. Хейвен бесилась от одной мысли, что в нашей семье есть традиции и воспоминания, каких не может быть у нее.

— Я просто хотела сказать, что мы не должны больше враждовать. Мы уже не маленькие девочки, которые хранят общие тайны, мы...

— Что? — перебила я ее. — Что ты сказала?

Хейвен недоуменно умолкла, но в ее глазах мелькнул нехороший огонек. Может, это было отражение пламени, полыхавшего в камине, а может, фраза о маленьких девочках пришлась к слову совсем не случайно.

От звука резко распахнувшейся двери мы обе вздрогнули. Этот звук совпал с раскатом грома снаружи, и я почувствовала, как сердце забилося быстро-быстро.

— Кортни Кордеро, маленькая дрянь, иди сюда, иначе я сделаю с тобой что-то очень нехорошее!

Герберт осекся, войдя в гостиную и увидев Хейвен, которая от смущения по цвету стала идентична алому ковру на полу.

— Добрый вечер, Герберт, — усмехнулась я. — Хейвен, тебя проводить? Наш поверенный сегодня не в духе, а когда он не в духе, может и укусить.

Герберт действительно был взбешен — когда я провожала Хейвен к двери, он бросил на меня такой взгляд, что пару секунд я была готова попроситься в гости к О'Ши и там переночевать.

— Что ты себе позволяешь?! — налетела я на него, когда дверь за Хейвен захлопнулась.

Напуганная криками, Ким спустилась, чтобы посмотреть, что тут происходит, но я жестом велела ей идти к себе. Ким всего семнадцать, не лучший возраст для таких перемен. До смерти Кристалл она была влюблена в Тая, мечтала окончить школу и сходить на первый в ее жизни прием.

Герберт был вне себя, он не контролировал силу, когда схватил меня за локоть и потащил наверх.

— В кабинет! — рявкнула я, когда поняла, что мы направляемся к спальне.

Но Герберт был мастером психологических игр, он знал, что нужно сделать, чтобы вывести меня из равновесия. В кабинете я чувствовала себя уверенно, а в спальне терялась и превращалась в восемнадцатилетнюю Кортни, которая убежала из дома посреди ночи, в дождь, взяв небольшую сумку и десяток золотых.

— Вы с ума сошли?! Как я должен защищать вас, как, по-твоему, я вытаску Кайлу, если вы пытаетесь сделать из меня идиота?

— Знаешь, сейчас мне кажется, что особых усилий для этого не требуется, — холодно произнесла я. — Что стряслось? Что с Кайлой?

— Она проболталась о завещании — раз! Она похитила...

— Она не похищала этого ребенка, ясно? Я знаю свою сестру. Она стерва, она недалекая дурочка, думающая только о том, полнит ли ее новое платье, она посредственный преподаватель, но она не похищает детей, Герберт. Ты знаешь это не хуже меня.

— Может, за эти пять лет она изменилась, а?

— Так вот в чем дело? Ты бесишься, что я уехала, а теперь вернулась? Что, неприятно получать по носу, Уолдер?

— Кортни, это не шутки. Наша с тобой история...

— У. Нас. Нет. Истории! — отчеканила я. — Если тебе нечего больше сказать, выметайся из моего дома и считай это

официальным увольнением! Кордеро больше не нуждаются в твоих услугах.

Я подошла к двери, но та оказалась заперта. На кончиках пальцев непроизвольно вспыхнул алый огонь, и секунд десять я не могла его погасить, настолько была зла.

— Ты не выйдешь отсюда, пока я не получу ответы.

— Что ж, мне повезло, — хмыкнула я. — Ответы — не самое страшное, что ты можешь потребовать.

Его глаза потемнели, и я даже ощутила легкий укол стыда. Опасное чувство.

— Ты знала, что Кайла бесплодна?

Эффект от удара камнем по голове был бы меньше, чем от этой фразы.

— Что? — Я села на постель. — Бесплодна? Нет, конечно нет!

— Кайла — дурочка, они обыскали ее пальто и нашли заключение лекаря, — уже спокойнее произнес Герберт. — Понимаешь, как это выглядит? Кайла получает заключение, что не может иметь детей, а через пару недель вскрывают завещание, и она понимает, что никогда не станет наследницей. А потом в вашем доме якобы случайно оказывается украденный ребенок!

Наверное, хуже уже быть не могло. Кайлу подставляли умело и быстро, буквально за сутки она оказалась в тюрьме и, если докажут умысел на похищение, останется там надолго.

— Я не могу ей помочь, Кортни. Если бы она не болтала о завещании... возможно. Сколько вам нужно объяснять, что семейные причуды не выносятся на обсуждение общественности? Ваша семья не из простых, Кортни, и сотни людей только и ждут, когда вы допустите ошибку. Кайла эту ошибку допустила.

— И что, она останется в тюрьме?

— Полагаю, суд учтет обстоятельства и, лишив ее магии, вернет домой.

— Кайла не выживет без магии.

◆ Т Е М Н Ы Е С Е С Т Р Ы ◆

Герберт согласно кивнул и сел рядом. Я подумала, он попытается взять меня за руку, но, к счастью, он этого делать не стал.

— Я хотел бы помочь, Кортни. Но не знаю как. Здесь нужен не юрист. Здесь нужно чудо.

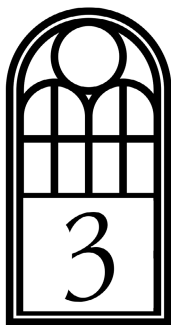
Слишком громко тикали часы. Почему так громко? Я бывала в этой комнате много раз, но совсем не замечала, какие они громкие.

— Впрочем, — вдруг Герберт быстро поднялся, — можно попробовать. Собирайся. Надень какое-нибудь платье попроще и заплети волосы.

— Куда? — Я подняла голову.

— К Белами.

Семья Белами не входила в наш круг, но в городе многие знали владельцев книжного магазинчика. Несколько раз я видела их старшую дочь Стеллу. Ее, в отличие от четы Белами, я запомнила хорошо благодаря разговору с Кристалл. Она ненароком обмолвилась, что в Стелле, возможно, есть магия. Редкость — дар у ребенка из обычной семьи. И очень грустная история: обучение магии стоит баснословно дорого.

Мы шли в полном молчании по пустым улицам Хейзенвилля. Я куталась в застегнутый наглухо плащ, хотя вечер сложно было назвать прохладным. Но плащ был моей единственной защитой.

— Когда окажемся у Белами, — сказал Герберт, — засунь свой характер куда поглубже и изображай хорошую девочку так, как ты умеешь, Кортни.

Я тут же вспыхнула, готовая испепелить его на месте — если бы была на это способна.

— Иначе Кайлу лишат магии, — добавил Герберт, и я заставила себя успокоиться.

— У тебя есть хоть какой-то план или мы в отчаянии мечаемся по городу? Ты собираешься прийти к людям, у которых украли ребенка, чтобы попросить спасти похитителя! Они выставят нас за дверь — и будут правы! Наутро еще и газеты как следует поглумятся.

— А я думал, тебя не волнует репутация Кордеро.

— Меня волнует безопасность. Кайла и Ким — мои сестры. Они не должны... не должны платить за чужие ошибки. А тот, кто подставляет нас, все еще на свободе. Готова поклясться, он планирует новый удар.

— У тебя есть хоть какие-то мысли, кто это может быть? Кайла говорила о ссорах на работе, о мужчинах?

Я покачала головой. Всю дорогу от Кордеро-холла я размышляла, рассказать ли Герберту о Хейвен, и наконец решилась. Кайла молчала о бесплодии, и теперь ей грозит одно из самых страшных наказаний. Хуже лишения магии может быть только лишение головы. Но у нас не практикуют такой вид казни.

— Возможно, это Хейвен.

— С чего ты взяла? — спросил Герберт.

— Она сегодня заходила и как-то странно выразилась... почти дословно, как в той записке.

Мы не рассказывали Герберту о послании в часах, блокноте и зеркале. Я уверяла себя, что делаю это лишь потому, что не хочу зря поднимать панику и порочить память Кристалл, но на деле я даже не была уверена, что Герберт ни при чем.

— Хейвен — подруга Кайлы. Она ничего не получит от этого ареста.

— Возможно, она хочет отомстить...

Мы почти подошли к дому Белами. Они жили на втором этаже своего магазина, и я невольно задумалась, не тесно ли им там. Может, получится решить проблему так, как привыкли Кордеро? Откупиться?

— За что Хейвен хочет отомстить, Кортни?

— Мы кое-что с ней сделали. Давно, в детстве. И думали, что она ничего не помнит. Но никогда нельзя знать наверняка.

— Остановись! — поднял руку Герберт. — Я не хочу сейчас это слышать. Расскажешь после того, как мы вытащим Кайлу. Хватит с меня секретов сестер Кордеро.